

РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ, ОБЗОРЫ

К.А. Соловьев*

МЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В РОССИИ

(Рецензия на книгу: *Ульянова Л.В. «Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью»*)**

В отечественной историографии проблемное поле исследований, связанных темой политической полиции, включало в себя две ключевые сферы. Первая из них — сфера управления, в рамках которой фиксировалась структура органов управления полиции, выявлялся их состав, ведомственные интересы; определялся механизм и формы взаимодействия органов полиции внутри единого механизма управления. Вторая: событийная (и нарративная) история, содержание которой в изучении форм и методов борьбы полиции с оппозицией (в разных ее правлениях) их эволюции, а также ключевых событий этой борьбы; в оценке эффективности ее методов и последствий. К ним примыкает и третья сфера — история политической борьбы, в рамках которой деятельность полиции рассматривается чаще всего как сила, враждебная прогрессу и противостоящая попыткам изменить направление и характер общественного развития.

Л.В. Ульянова в своем исследовании (и в своей монографии) полностью покидает это хорошо разработанное поле, в поиске других возможностей для изучения, казалось бы, хорошо изученного и описанного института политического сыска. Она находит эти новые возможности в обращении к двум направлениям исторических исследований, которые, дают нам возможность перейти

* Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

** Ульянова Л.В. «Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью». СПб.: «Алетейя», 2020.

от изучения «фактов реальности» к «фактам ментальности». Возможности этого пространства для исследования истории были вскрыты, а затем и закреплены в работах французских историков 1960–1980-х гг., занимавшихся, главным образом, историей Средних веков, и школой А.Я. Гуревича в нашей стране. Получение значимых результатов при использовании методов ментальной истории на материалах общества Средневековья позволяет нам с уверенностью использовать их и при изучении других эпох, не столь далеко от нас отстоящих.

Одно из этих направлений — изучение представлений о реальности, свойственных конкретной социальной и профессиональной сфере (в данном случае — руководителям и сотрудникам органов политической полиции), включая изучение факторов формирующих эти представления и форм воздействия на реальность, выбор которых определялся этими представлениями. В рамках этих задач условным «фокусом», точкой, в которой сходятся все эти представления, стало либеральное движение в России последних двадцати лет XIX в. и первых пяти лет XX в.

Значительная часть монографии посвящена решению очень серьезной задачи — реконструкции представлений служащих политической полиции о том, что собой представляет либерализм в России. Полный набор этих представлений должен включать в себя ответы на важнейшие вопросы: каково происхождение либерализма, в чем состоят механизмы его воспроизводства, каков его состав, в чем его цели, каковы задачи, решаемые в данное время, насколько опасен он для российской государственности. И поскольку все эти вопросы (и ответы на них), пусть не в совершенно однородной, но функционально единой социальной среде, то мы можем говорить, что на страницах монографии В.И. Ульяновой возникает феномен «фантома» либерализма, отраженного в полицейском сознании. И это, без сомнения, не тот «либерализм», каким его видели сами участники этого движения. Но для Российской истории «фантомный» либерализм, сформировавшийся в коллективном сознании тех, кто имел возможность ставить политические цели и принимать управленческие решения, был более значим, чем любой другой, в том числе и тот, который мы можем описать, изучая труды самих носителей либерального сознания и проводников либеральных идей.

Второе из направлений ментальной истории (и второй «стержень» этой монографии) — это история коммуникаций, опирающаяся (как неоднократно подчеркивает автор) на методологию,

разработанную П. Бурдьё. Автора монографии интересует два типа коммуникаций: внутренняя — между членами той «корпорации», которая обозначена в книге как «политическая полиция» или «политический сыск», и внешняя — между членами этой корпорации и участниками либерального движения в России. Понятно, что это не полный перечень сфер коммуникации: в нем нет взаимодействия чинов политической полиции с высшими этажами управленческой элиты России. Можно представить себе и еще одну сферу: неформальная (бытовая, межличностная) коммуникация. Но для целей данной книги (как ее понял автор этих строк) исследование двух заявленных сфер коммуникации — это условие необходимое и достаточное.

Оба направления в изучении ментальной истории, на материалах политического сыска, заявлены, и сразу же подытожены в нескольких строках на первой странице авторского текста: «... чины политического сыска и «либералы» были не противостоящими друг другу сторонами, а участниками единого процесса дискуссий о путях и принципах развития страны, идейной полемики, наиболее активно шедшей в образованном обществе в период после Великих реформ» (с. 5).

Не будем подвергать сомнению право автора поставить ключевой вывод в самое начало своей книги. Но к самому этому высказыванию у автора этих строк сразу появились вопросы, что послужило дополнительным стимулом, к тому, чтобы внимательно проштудировать текст монографии. Первый вопрос связан со следующим тезисом: если идет дискуссия или же идейная полемика, то участие в этой дискуссии/полемике объединяет ее участников в единое коммуникационное пространство. Но отменяет ли это характеристику участников этой дискуссии с разных сторон, как противостоящих друг другу? На наш взгляд, «противостояние» — это ключевое условие для появления любой дискуссии. А для той дискуссии, которой посвящена эта книга, важен, как нам представляется, еще один вопрос: можно назвать какой-либо спор дискуссией или полемикой, в том случае, когда одна из сторон полемики может отправить другую сторону в административную ссылку? Очевидно, что если дискуссия была (а формат полемики хорошо обозначен и качественно проанализирован в данной монографии), то это была не равная дискуссия, что, возможно, стоило бы отметить, если автор, конечно, согласна с такой позицией.

Текст любой книги содержит бесконечное количество интерпретаций, и все сюжеты, все, как пишет автор, «проблемные узлы»

(с. 8) обозначить в одной рецензии невозможно. Остановимся на тех сторонах книги, которые дали автору этих строк возможность задуматься о том, что раньше не занимало внимания, и что, как представляется, может указать на перспективы новых исследований в данной проблематике.

Первое, что следует отметить, это внимание автора к используемым терминам и понятиям, перерастающее, в необходимых местах, в качественный терминологический анализ, почву для которого дает обращение к таким понятиям, как «общество», «либералы», «оппозиционеры», «радикалы» и еще несколько, из того набора, которым оперировали, во-первых, персонажи этой книги, а во-вторых, исследователи из предшествующих этапов развития отечественной историографии. Автору этих строк наиболее важным показалось внимание к таким понятиям, как «общественное движение» и «оппозиционное движение». Заставили обратить на себя внимание строки: «Историографическая традиция рассматривает «либералов» в качестве составной части так называемого общественного движения, однако что такое «общественное движение в целом»? В литературе... этот вопрос не решен во многом по причине того, что не становился объектом целенаправленного исследовательского внимания» (с. 30).

Поставленный таким образом вопрос заставляет задуматься (а постановка таких вопросов — одна из сильных сторон этой книги) над тем, каков наш понятийный аппарат. Хорошо известно, что понятие «общество» возникло как редуцированная форма «образованное общество» и только в этом значении и может употребляться применительно к XIX в. Но понятие «общественное движение» используют все, не поясняя его значения. Результатом размышлений над этим стало определение, которое мы готовы предложить: «Общественное движение представляет собой совокупность всех форм деятельности, выполняемой структурами гражданского общества, при его формальном отсутствии». Указание на гражданское общество в этом определении (а значит, отсылка к формам самоуправления и контроля общества над государством в легальных формах) позволяет, как нам представляется, отделить «общественное движение» и от «оппозиционного», и от «освободительного» («революционного») движения. И это определение в значительной степени соприкасается с одним из тезисов третьей главы: «Во второй половине XIX в. в России в легальном пространстве наряду с государством и рядом с ним возникло «общественное мнение», что означало, что само общество стало восприниматься как нечто

автономное от государства, обладающее своими, независимыми от власти официальными публичными институтами» (с. 165).

Второй, чрезвычайно интересной стороной этой книги, является, на наш взгляд, «компетентностный анализ» трех профессиональных групп, на которые автор разбивает весь аппарат «политического сыска». Выделение этих групп (чины Департамента полиции, служащие жандармских управлений и секретные сотрудники) с последующим анализом их представлений, мотивации, набора компетенций, форм и механизмов внутренней коммуникации в этом профессиональном слое, составляет основное содержание первой главы. Этот тщательный и профессиональный анализ позволяет автору обозначить три «типажа» сотрудников политической полиции, отличающиеся друг от друга и базовым набором компетенций, и ментальными установками.

Поддерживая большую часть выводов автора в этой сфере, хочется все же обратить внимание на одну проблему. Автор, указывая на «общелиберальный настрой руководящего состава Департамента полиции» (с. 75), обосновывает этот вывод тем, что в своем профессиональном становлении — это люди, вышедшие из юридической среды (которая была в России второй половины XIX в. самой либеральной по своим установкам, способам их реализации и результатам), и в целом ориентировались на главенство закона. Таким образом, выходит, что главным (и практически единственным) указателем на «либерализм» руководства Департамента полиции служит стремление тех, кто это руководство составлял, действовать в строгом соответствии с законом, а не по произволу властей.

Согласимся с тем, что правовая культура общества чрезвычайно важна для либералов. Но не менее важна она была и для «социального государства», выстроенного Бисмарком в Германии и не имевшего ничего общего с либеральной доктриной¹. В этой связи было бы полезно установить отношение представителей этого «типажа» к таким базовым ценностям либерализма, как экономическая и политическая свобода, достоинство личности, права человека. Отчасти об этом можно догадаться, читая страницы

¹ См.: Беспалова Л.Н. Государственная политика Германской империи в сфере охраны детского труда в фабричной промышленности // Вестн. НВГУ. 2016. № 3. С. 59–65; Чупрова О.В. Взгляды О. Бисмарка на место и роль законодательной власти в Германии во второй половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 309–312; Покудов О.А. Новая экономическая политика О. Бисмарка после объединения Германии (1871–1878 гг.) // Известия АлтГУ. 2009. № 4-2. С. 170–172.

книги, посвященные тому, что автор называет «пространством образованного общества» (с. 85) и включенности в это пространство руководителей политического сыска. Но остается вопрос о том, в какой мере знание и понимание набора тех или иных идей соотносится с их принятием. Автор, в качестве примера, приводит использование чинами политической полиции большого количества терминов и понятий с корнем «благо» (с. 89), соотнося их с «просветительской» концепцией «общего блага». Но в какой мере понятие «благо», в словах «благонамеренной» или «благонадежный» соотносится с «обществом» (а не с властью) — это, видимо, еще предстоит выяснить. Автор, как кажется, уже приступила к этой работе, представив во второй главе книги динамику использования понятия «либеральный», показав (уже в третьей главе) эволюцию его семантики, выявив значение понятия «крайний либерализм» (с. 189), а также соотношение понятий «либерализм» и «конституционализм» в представлении сотрудников политической полиции (с. 173). Это направление работы представляется чрезвычайно перспективным и по отношению к другим понятиям и терминам, семантика которых со временем менялась.

Ценным представляется то, как автор систематизировала объект наблюдения политической полиции — сообщество либералов, разделив его на три вида институций: земские органы, либеральная пресса и общественные организации. Проведенный автором анализ того, как деятельность этих трех групп была отражена в официальных документах политической полиции, дает масштабную картину специфического «полицейского» представления о том, как в России рубежа веков формировалось и функционировало гражданское общество, которому было выделено несколько легальных пространств. В книге много раз упоминается еще и четвертое пространство такого рода: среда образования, в особенности высшего. Но в состав рассмотренных институций она не попала, что, возможно, связано с характером источников.

И, наконец, отметим, что вся четвертая глава монографии посвящена коммуникативным практикам во взаимодействии политической полиции и либерального сообщества. Выделение в общем наборе этих практик формальных и неформальных, правовых и неправовых, позволило автору хорошо их структурировать. А обращение к конкретным «кейсам» — конкретизировать теоретические построения, и сделать рассказ об этих практиках максимально «живым».

Книгу «Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью» вряд ли стоит рекомендовать тем, кто просто интересуется историей. Для этого уровня она слишком сложна. Знакомство с ней требует серьезной предварительной подготовки. Но для специалистов, для тех, кто всерьез занимается изучением социальной и политической истории России конца XIX в. — начала XX в., знакомство с этой книгой обязательно.

Литература

Беспалова Л.Н. Государственная политика Германской империи в сфере охраны детского труда в фабричной промышленности // Вестн. НВГУ. 2016. № 3. С. 59–65.

Покудов О.А. Новая экономическая политика О. Бисмарка после объединения Германии (1871–1878 гг.) // Известия АлтГУ. 2009. № 4-2. С. 170–172.

Ульянова Л.В. «Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью». СПб.: «Алетейя», 2020.

Чупрова О.В. Взгляды О. Бисмарка на место и роль законодательной власти в Германии во второй половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 309–312.